

О. В. Титова, Лексика конного транспорта в удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск 2011. 215 с.

29 июня 2011 г. на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Удмуртском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации О. В. Титовой на тему «Лексика конного транспорта в удмуртском языке». Исследование выполнено на факультете удмуртской филологии университета под руководством доктора филологических наук профессора В. К. Кельмакова. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук доцент Е. А. Цыпанов и кандидат филологических наук доцент О. А. Сергеев.

Тема работы актуальна для современного удмуртского и пермского языкознания, так как ни в синхронном, ни в диахронном плане еще не предпринимались попытки рассмотреть лексику конного транспорта в удмуртском языке. Особо необходимо отметить богатство языкового материала, собранного автором в различных опубликованных источниках и, что особенно ценно, в ходе экспедиций к носителям разных диалектов в 23 населенных пунктах Удмуртской Республики. Список информантов (с. 200—205) включает 59 фамилий. О. В. Титова — активный носитель удмуртского языка, хорошо чувствующий все нюансы родной речи.

Композиционно рецензируемая работа состоит из введения (с. 5—23), трех глав, заключения, списков условных сокращений, использованных источников и информантов, а также двух приложений. Список литературы включает 155 названий, список использованных источников — 21 название. Приложения представляют собой указатель этимологизированных слов и очень ценные схемы (всего восемь). Композиция работы

отличается стройностью и рациональностью.

Во введении определены актуальность выбранной темы, объект, предмет и цель исследования, научная новизна и практическая ценность работы, описаны методы и источники использованного материала. Важен для исторической лексикологии достаточно объемный раздел «История изучения лексики конного транспорта в удмуртском языкознании» (с. 10—23). Отраслевая лексика до настоящего времени остается одной из малоизученных областей удмуртского языкознания: достаточно подробно изучены лишь названия птиц С. В. Соколовым. Во втором разделе введения дан обзор лексикографических источников, в которых нашла отражение лексика указанной отрасли, начиная с первой фиксации удмуртских слов в письменных памятниках XVIII в. до настоящего времени. Необходимо подчеркнуть, что работа О. В. Титовой вносит ценный вклад в исследование системности лексики удмуртского языка на основе одной лексико-семантической группы, объединенной понятийно-предметной общностью. Принятый автором ономаσιологический подход уместен: сначала выделяются конкретные группы наименований, затем они анализируются.

Лексика конного транспорта представляет собой один из оригинальных пластов словарного состава. Тем не менее, эта лексика в удмуртском языкознании до сих пор не подвергалась комплексному исследованию. Необходимость изучения вызвана тем, что эта группа лексики постепенно переходит в пассивное употребление: вместе с реалиями исчезают и их названия, а потому своевременный сбор и фиксация всех диалектных вариантов лексических единиц, их систематизация в рамках лексико-семантических групп,

историко-этимологический и словообразовательный анализ приобретают действительно актуальное значение.

Первая глава (с. 24—101) посвящена лексико-семантической классификации лексики конного транспорта. О. В. Титова выделяет пять основных групп наименований: 1) гужевой транспорт; 2) предметы конской сбруи; 3) типы запряжки; 4) лошади в упряжке; 5) общие понятия, связанные с верховой ездой. Две первые группы имеют внутреннюю дифференциацию. Так, наименования конного гужевого транспорта в зависимости от конструктивных особенностей обозначаемых объектов подразделяются на волоковые, полозковые, колесные. Наименования предметов конской сбруи по функциональному значению подразделяются на наименования общих принадлежностей снаряжения верхового и упряжного коня, наименования принадлежностей снаряжения упряжного коня, наименования принадлежностей снаряжения верхового коня.

Во второй главе (с. 102—127) выявляются исторические пласты лексики конного транспорта в удмуртском языке. Словарный состав данной группы складывался в течение многих веков под воздействием различных факторов и состоит из слов исконного и иноязычного происхождения. В первом разделе приводится исконно удмуртская лексика, которая подразделяется на несколько пластов, восходящих к разным эпохам развития языка: финно-пермский, пермский, собственно удмуртский. Во втором разделе анализируется заимствованный пласт рассматриваемой лексики. Слова иноязычного происхождения сгруппированы по языкам-источникам. В результате хозяйственно-культурных связей удмуртов с соседними народами в удмуртский язык проникло множество заимствованных лексем либо вместе с новыми понятиями, либо для обозначения уже существующих предметов и явлений. Прослеживается влияние индоиранских, тюркских (булгарского, татарского) и русского языков. Тем не менее можно оспорить одно из

утверждений автора: «Чаще всего слово из одного языка заимствуется другим для обозначения новых явлений и понятий, для которых в языке не было слов» (с. 112). Это известное положение кочует по учебным пособиям и научным трудам, хотя и не подтверждается достаточными доказательствами. Во всяком случае такой путь заимствования никак не бывает «чаще всего», на что кстати далее указывает и сама О. В. Титова в заключении на с. 177: «Для большинства русизмов и татаризмов имеются параллельные исконные названия, которые обозначают те же самые предметы, что и лексика иноязычного происхождения». Приведем пример и из коми языка, где распространенное русское заимствование *седло* было заимствовано уже в дополнение к булг. *бныр* и к собственно коми *пуклӧс* 'седло'. Еще пример: в состав терминов родства и свойства удмуртского языка немало слов было заимствовано из татарского, а в коми из русского языка (см. удм. *анай* 'мать', *атай* 'отец', коми *бать* 'отец', *мам* 'мать'), хотя понятия о родителях и других родственниках у пермских народов, естественно, существовали изначально.

В третьей главе (с. 128—170) описан структурно-словообразовательный анализ лексики конного транспорта в удмуртском языке. Автором установлено, что в образовании лексики анализируемой отрасли участвуют четыре способа словообразования: морфологический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический, лексико-семантический. Из них наиболее продуктивен лексико-синтаксический способ. Во втором разделе главы дана структурная характеристика лексики конного транспорта в удмуртском языке. Названия указанной отрасли представлены простыми и сложными конструкциями. В зависимости от наличия словообразовательных аффиксов простые слова бывают непроеизводными (корневыми) и производными (суффиксальными). По характеру синтаксических отношений компонентов выделяются два типа сложных названий:

1) с сочинительными отношениями компонентов; 2) с подчинительными отношениями компонентов. Тип подчинения наиболее распространен. Сложные названия подчинительного типа представлены двух-, трех- и в редких случаях четырех- и пятикомпонентными единицами. Наиболее часто встречаются двухкомпонентные конструкции. В зависимости от принадлежности компонентов к той или иной части речи установлены 28 структурных моделей сложных названий. Особенно продуктивны модели «существительное + существительное», «прилагательное + существительное».

Заключение в целом отражает основные результаты и выводы работы. Однако в отношении некоторых положений у рецензента есть уточнения. Так, верные утверждения о важной роли коневодства в древние времена О. В. Титова распространяет лишь на удмуртский народ, например: «Конный транспорт играл важную роль в хозяйственной жизни удмуртов» (с. 171), «можно сделать вывод об исконном характере упряжного коневодства у удмуртского народа, истоки которого уходят в III—II тыс. до н.э.» (с. 174). Необходимо здесь отметить, что в глубокой древности еще не было собственно удмуртского народа, который постепенно формировался на основе общепермской этнической общности, из которой вышли также предки коми-зырян и коми-пермяков (по наиболее распространенным мнениям, в самом начале болгарского языкового влияния в позднепермский период, в VII—VIII вв.). Кстати, древние индоиранские и болгарские заимствования лексики конного транспорта в коми языке отмечает и автор (*орс* 'плеть, нагайка', *дныр* 'седло'). Так что выводы

правомерны и в отношении древних пермян, и в отношении современных коми. Ценность коневодства для коми народа подчеркивает такая цифра: в диалектах и литературных языках нами зафиксировано свыше 60 кличек лошадей собственно языкового происхождения, а также некоторые фонетически адаптированные (см. словарь кличек животных: Е. А. Цыпанов, Коми пемӧс нимкуд, Сыктывкар 2008). Наиболее распространенные среди них *Карко*, *Тшайко*, *Рыжко*, *Серко*, *Нетко*, *Лысан*, *Чалко* и др.

Изложенные в заключении выводы очень важны и для освещения древней истории коми народа, особенно если учитывать некоторые положения в работах современных коми обществоведов (например Н. Н. Конаков, П. Ф. Лимеров и др.), которые представляют древний коми народ неким кочевым охотничье-рыболовецким племенем, не знавшим земледелия и скотоводства, развитого кузнечного дела, живущим в землянках и чумах и лишь благодаря влиянию русских колонистов ставшим современным народом. Эти утверждения не учитывают данных исторической лексикологии, этимологии, языкознания в целом.

Работа О. В. Титовой вносит серьезный вклад в удмуртское и пермское языкознание, ее положения создают базу для написания трудов в области отраслевой лексики. Материал исследования найдет применение прежде всего в практике преподавания удмуртского языка в вузах, при разработке новых основных и спецкурсов, при написании новых учебных и учебно-методических пособий, учебников нового поколения для средних школ.

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)

Address

Jevgenij Cypanov
Institut of Language, Literature and
History of the Komi Research Centre
E-mail: tsypanov@kse.komisc.ru